

ГОЛУБИНЫЕ ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВААНА ТОТОВЕНЦА И ВАСИЛИЯ БОРАХВОСТОВА

Э. Д. МЕЛЕНЕВСКАЯ,
Независимый исследователь, РФ
melvelina@yandex.ru

Проводится параллель между писателями Вааном Тотовенцем (1893-1938?) и Василием Борахвостовым (1905-1988), которые знакомы не были, и Тотовенц, скорее всего, даже не знал о существовании Борахвостова, меж тем как тот отрецензировал в журнале «Красная новь» первую переведенную на русский язык книгу Тотовенца, «Жизнь на древне-римской дороге» (1931). Независимо от различий между культурами, армянской и казацкой, обнаруживается тематическая перекличка в творчестве этих писателей, связанная с широко распространенной тогда страстью к разведению голубей.

Ключевые слова: Тотовенц, Борахвостов, литература тридцатых, голубятничество.

*Памяти Михаила Давидовича Амирханяна,
без которого многое бы, включая эту статью,
не случилось.*

Василий Никитич Борахвостов (1905–1988), писатель очень средней руки, был одним из лучших по Москве бильярдистов, и, надо полагать, знал, что как на бильярдном столе шарик, сталкиваясь с множеством прочих, меняет направление движения и свое, и других, так и человек, стронутый с места чьей-то руководящей и порой небрежной рукой, преобразовывает чью-то судьбу. Искра, иссеченная одним из самых мимолетных контактов в жизни Борахвостова, причем контакта не личного, а опосредованного — предмет данной статьи, тщетная попытка постичь «подробности и сюжетные перспективы вышнего замысла» [10: 38].

На старших курсах филологического отделения Московского университета Борахвостова направили на практику в журнал «Красная новь» (1921–1942), первый созданный после революции «толстый» литературный журнал. Там молодому автору предложили отрецензировать для раздела «Критика и библиография» несколько свежих книг разного направления, и вот — бильярдный шар покатился! — в число их вошла и книжечка Ваана Тотовенца «Жизнь на древней римской дороге», в 1931 г. вышедшая в Москве в издательстве ГИХЛ. Перевод неведомого И.К., предисловие так же неведомого А.Тер-Мартirosяна. Всего 110 страниц, две повести, первая о жизни того армянского поселения, в котором прошло детство писателя, вторая — о жизни армян в Нью-Йорке, которую ему также довелось наблюдать.

Ваан Тотовенц (1893–1938?) родился в местечке Мезире, в той части Великой Армении, что после всех разделов оказалась территорией Османской Турции (ныне город Элязыг). Начальное образование получил на родине, потом странствовал: Греция, Италия, Франция и, наконец, США. С 1912 г. Тотовенц — студент Висконсинского университета в Мадисоне, где слушал лекции сразу на трех факультетах: историческом, литературном и философском. Во время Первой мировой добровольцем воевал на Кавказском фронте, служил секретарем полководца Андраника Озаяна, редактировал газету «Айастан». Поверив в советский проект, в 1922 г. приехал в Армению уже с большим жизненным опытом, состоявшимся писателем, автором романов «Доктор Бурбонян» (1921) и «В бурю» (1922). На родине пишет трехтомную эпопею «Баку» на историко-революционную тему.

Эти биографические данные почерпнуты из статьи А. Макинцян [6], посыл которой в том, чтобы доказать, что Тотовенц — художник советский. Необходимость в таких доказательствах — на момент написания статьи, в 1970 г., — была вызвана тем, что «тонкий художник», «один из лучших представителей армянской советской литературы» все еще нуждался в реабилитации: Тотовенц попал под молот сталинских репрессий и погиб то ли в 1937 г., то ли годом позже (данные разнятся). В ереванском музее Мартироса Сарьяна

выставлен его портрет 1933 г. сангиной, дошедший до нас благодаря тому, что хранился в семье художника, — ведь те портреты замученных армянских писателей и поэтов, что числились за государственными музеями, было предписано уничтожить (впрочем, Сарьян и сам многое сжег). Замечательно сильный портрет, хотя сангине не передать яркую синеву глаз писателя, которую отмечают мемуаристы.

Как же отозвался в «Красной нови» 26-летний Борахвостов на лирические откровения 34-летнего Тотовенца, на книгу, в которую «он вложил всего себя, всю свою мечтательную душу, свое горячее, доброе сердце, которая навсегда останется лучшим памятником ему в сердцах всех, кто любил его» [1: 352]? Вот заключительная часть рецензии: «Жизнь на древне-римской дороге», как ее рисует автор, так и осталась такой же седой, заплесневшей и древней, как и находилась во времена римского права — нет никаких сдвигов в сторону новой культуры, неуклонно развивающейся благодаря советской власти, давшей возможность всем национальностям развивать свой язык, литературу и хозяйство. Ничего этого в книге не показано. Автору пора глубоко задуматься над своими творческими путями, ведущими не вперед, по дороге пролетарской литературы к показу новых форм социалистического труда и оздоровленного быта, а назад, по древне-римской дороге». [2: 161–162].

Трескучий приговор вопиет к редакции. Поучающий тон заставляет задуматься, откуда столько апломба. Однако, получив из фонда РГБ тоненькое издание 1931 года, понимаешь, что рецензия Борахвостова — предельно опрошенный и усиленный «политической трескотней» пересказ предисловия А.Тер-Мартirosяна к «Жизни на древне-римской дороге». Начинается предисловие, и само по себе от тогдашних веяний не свободное, так: «В произведениях молодого армянского прозаика Ваана Тотовенца сочетаются две линии армянской культуры — западно-армянская и восточно-армянская, с присущими этим линиям литературными наречиями» [11: 3].

Зачин этот Борахвостов «улучшает» гиперболами: «во *всех* его произведениях довольно выпукло намечаются две линии, две

совершенно различных части, из которых сложилась национальная культура Армении» — и метафорами: «вторая часть национальной культуры, восточно-армянская, идет непосредственно от Армении, находившейся *под железным сапогом царской России*» [2: 161]. Или вот пассаж Тер-Мартirosяна про составляющие армянского литературного языка, «наречия»: «Литература западных армян (по причине влияния на нее западно-европейской литературы. — Э.М.) была менее оригинальна и значительно уступала в этом отношении восточно-армянской, развивавшейся под влиянием русской литературы. Зато западно-армянский литературный язык, развиваясь на более старой языковой культуре, на основе иного — константинопольского — наречия, возвращенный под влиянием европейских языков, преимущественно французского, отразил в себе необычайно выпренный, несколько витиеватый, но в целом красивый, звучный и образный язык культурных верхов» [11: 3–4]. Рассуждение это Борахвостов сокращает таким образом: «Эти культуры сочетаются в произведениях Ваана Тотовенца своими литературными наречиями, выросшими и получившими развитие в специфических социально-бытовых условиях народности, угнетаемой с одной стороны режимом царской России, с другой — не менее жестокой политикой турецкого султана» [2: 161]. Вульгаризация как прием.

Тигран Ахумян пишет в воспоминаниях, что Тотовенц, «начиненный до краев здоровым жизнелюбием», никогда не соглашался с тем, что «критика послужила ему на пользу. Может быть, он и мог бы сказать такое, будь эта критика дружелюбна по тону и тактична, но разве в те годы была у нас такая критика? Основной ее тон наичаще всего был разносный, орудием же воздействия на писателя была оглобля» [1: 348].

Некоторым утешением Тотовенцу (если бы еще знать, что он читал по-русски!) мог бы стать отзыв К.Г. Локса (1889–1956) в «Новом мире», где акценты расставлены иначе, урезонивая даже и А. Тер-Мартirosяна. Тот упрекнул Тотовенца в том, что он — «наблюдатель, лирически взволнованный художник, понимающий проведенную историей грань, но не идущий далее обычных сентенций».

«Не говоря уж о непонятности выражения “обычная сентенция”, — отвечает ему К. Локс, — для начала приходится отметить, что Тотовенц как художник больше и шире этой характеристики. В первой повести, несмотря на импрессионистическую манеру письма, красочный быт полуфеодальной турецкой провинции выступает в очертаниях сильных и выразительных. В отличие от гурманствующих эстетов Лоти¹ или Фаррера² Тотовенц изображает экзотику турецкого быта изнутри, интимно, во всей ее обнаженности. Мелочи домашней жизни и торговой улицы, образ отца, крупного чиновника, мальчишки-беспризорника, «турецкий святой» — все это дано хотя и в мягком, любовном освещении, но само собой сообщает определенное впечатление, не нуждающееся в “сентенциях»» [5: 307].

Итак, опосредованный контакт незнакомых между собой авторов состоялся, не доставив радости никому. С Тотовенцем понятно, но и для Борахвостова опыт оказался провальным. Ни в последующих номерах «Красной нови», ни в других изданиях рецензий Борахвостова больше не встретишь. Очевидно, что простодушная его рьяность успеха ему не принесла. Фиаско Борахвостова как рецензента зафиксировано в ходе обсуждения его рассказов, в 1932 г. Проведенного редакцией «Молодой гвардии», когда литературный критик Григорий Бровман (1907–1984) предварил свое высказывание словами: «Борахвостов начал свою литературную деятельность как критик. Если эту его деятельность, как явно неудачную, сейчас во внимание не принять, то мы будем иметь дело с молодым прозаиком, автором двух-трех огоньковских книжек и ряда рассказов в журналах» [4: 156].

Вот и мы обратимся к В. Борахвостову как к прозаику — перед Первым съездом писателей (1934) им опубликовано в центральной

¹ Пьер Лоти, настоящее имя Луи Мари-Жюльен Вио (1850–1923) — французский офицер флота и писатель, известный колониальными романами из жизни экзотических стран.

² Клод Фаррер, настоящее имя Фредерик Шарль Эдуар Баргон (1876–1957) — французский писатель, лауреат Гонкуровской премии (1905) за роман «Цивилизованные».

прессе до двух десятков рассказов, — поскольку встречей на страницах «Красной нови» история эта не ограничилась, продолжившись тематической переключкой, объясняемой, видимо, повсеместной распространенностью такого явления, как голубятничество.

Переключка эта открывается, когда читаешь «Жизнь на старой римской дороге» в издании 1970 г. (оно выложено в интернет, и, уточню еще раз, русское издание 1931 г. в переводе И.К. называлось «Жизнь на древне-римской дороге», а издание 1970 г., в переводе А. Сагратяна, — «Жизнь на старой римской дороге»). Могло ли быть, чтобы Борахвостов не прочел книгу, которую рецензировал? (По тексту рецензии вполне допустимо рассудить, что могло). Меж тем последняя новелла там посвящена голубятнику Акопу и полному драматизма описанию голубятничества как особой черты местной жизни. Мог ли Борахвостов не вспомнить об этом, публикуя через три года, в 1934 г., свою новеллу «Голубиная любовь», в которой рассказывается о всепоглощающей любви к голубям царицынских жителей? Борахвостов, напомню, казак родом из Царицына, и даже район, в котором он вырос, именно потому носил название «Голубинка».

Оказалось мог. Как выяснилось при сверке с изданием «Жизни на древне-римской дороге» 1931 г., новеллы про голубей в нем нет. То ли сам автор так решил, то ли редактор ГИХЛа, не дрогнув, сократил повесть вдвое: в первом издании в ней 65 страниц, а во втором, в «Жизни на старой римской дороге» 1970 г., — 111. И даже концовки повести разные, с иным наполнением.

Издание ГИХЛ 1931 г.:

«Я написал и закончил эту историю утра моей жизни, но для чего написал — не знаю.

Что получилось из этого рассказа — не могу сказать.

Это только прошлое, и больше ничего.

Старая, запыленная и пожелтевшая книга, если хотите» [12: 65].

Издательство «Художественная литература», 1970 г., перевод А. Сагратяна:

«В той древней стране, где я рос, солнце горит, как раскаленный шар, ручьи журчат, не переводя дыхания, встают светозарные утра и опускаются огнекрылые закаты, в синем небе плывет серебряная чаша, полная свеженадоенного молока, деревья устремляются в небо, тихо шепчутся цветы.

Только я хотел бы отдохнуть, склонить свою усталую голову на синий мрамор тех небес и услышать песню, которой внемяют деревья, ручьи и звезды» [13: 118].

Свою голубиную историю Тотовенц начинает с неожиданного признания:

«Держать голубей считалось у нас самым унижительным занятием.

Старики говорили: «Голубь — тварь невинная, но в нем смерть».

Увидев на крыше голубя, мать в страхе крестилась:
— Голубь на крыше!..

В нашем городе, если кто хотел оскорбить человека, называл его голубятником» [13: 108].

Приходится допустить, что из множества символических значений, за тысячелетия присвоенных голубю всеми мыслимыми религиями, именно погребальная его ипостась внедрилась в бытование земляков Тотовенца как предрассудок, представление о том, что голубь — предвестник смерти и зримый образ отлетевшей от тела души.

«Детям все эти предрассудки были непонятны.

В церкви миро капало из клюва золотой голубки.

Голубку славили как символ невинности во всех песнях.

Детство — это невинность». [13: 108].

Однако ж страсти, бушующие вокруг, неоспоримо свидетельствуют о том, что голубь — птица прельстительная, «обворожительная», она манит, вызывает нестерпимый, греховный зуд собой обладать. «Мной владело одно желание — остаться без родителей, стать круглым сиротой, чтобы гонять голубей. <...> Мне и во сне снились голуби Акопа. Они садились мне на голову, плечи, руки, и я жадно вслушивался в их воркованье, я прыгал, плясал, по они улетали, я ласкал их, прижимал к груди, целовал, прятал за пазуху» [13: 109].

Следует развернутое, поэтически-чувственное описание. «Есть голуби с темно-синим отливом в белую крапинку, и еще — цвета дымного пламени, цвета последних лучей заката и багряно-красные, как осенний лист. <...> Почему же голубь — это смерть? Я так и не сумел понять эту загадку»

И тут же рассказывает, что голубятники вечно враждовали, «сманивать друг у друга голубей — в этом была вся прелесть их увлекательного дела. <...> Вражда переходила из поколения в поколение, страшная обида не забывалась». Доходило до поножовщины, до крови. «Вот почему старики говорили, что голубь — тварь невинная, но в нем смерть» [13: 110].

История цирюльника Акопа расцвечена картинками самозабвенной его страсти, беззаветной преданности голубям. Вот он бросает только что намыленного до глаз клиента, потому что шкодливые мальчишки под руку ему сообщают, что у голубки соперника вылупились птенцы. Вот, переступив через упавшую без чувств жену, идет с клинком на обидчика. У него дочь-красавица, но поскольку голубятничество считается в городе делом презренным, тень позора больно задевает и дочь: шансов выйти замуж «прилично», то есть не за голубятника, у нее нет. Даже в школе учитель — уж казалось бы! — попрекает ее отцовскими голубями.

В этом патриархальном мире с его «злыми законами», когда пришлось-таки выбирать между неодолимой страстью и судьбой дочери, Акоп, останься в нем хоть доля практичности, мог бы продать своих голубей — породистая пара стоила столько, что можно было год жить безбедно. Но нет, Акопу расчет чужд, он выбирает иной выход, куда более мелодраматичный. Не в силах представить, как его голуби будут вылетать из чужой голубятни, он решается их зарезать:

«Я услышал крик жены Акопа и взобрался на нашу крышу. Сбежались соседи.

Нам всем казалось, что Акоп бьет жену, и дочь пытается спасти мать.

— Вай, чтоб твоей дочери...

А голубятник, в слезах прижав единственную дочь к обгаренной голубиной кровью груди, шептал:
— Голубка моя белоснежная... Всех красавцев моих принесу тебе в жертву...» [13: 117].

История выморочная и вневременная, хоть в средневековье, хоть в «Декамерон», тогда как новелла Борахвостова, по сути, столь же малоправдоподобная, с точки зрения привязки к требованиям дня на момент публикации — значительно злободневней.

Вышедшая впервые в «Знамени» в 1933 г., «Голубиная любовь» годом позже вошла в брошюрку «В комнате пахнет дыней» из «Библиотеки “Огонька”», составленную из двух новелл, и далее, в 1936-м, дала название сборнику рассказов, выпущенному Сталинградским краевым издательством.

Сюжет рассказа, с некоторыми отступлениями (усилена «пролетарскость») автобиографический, построен на том, что вся жизнь в Царицыне вертится вокруг голубей. Общественное мнение ничего предосудительного в этом занятии не находит («Водил голубей даже городской голова. Но на крышу лазить стеснялся. Он посылал туда дворника, а сам руководил «шуганьем» со двора»). Сильный пол поголовно страстные голубятники, а женщины бессловесны.

Зачин рассказа библейский, дидактически-торжественный, возможно, навеянный Бабелем, в подражании которому Борахвостова упрекал его наставник Л.В. Никулин. У Бабеля, к тому же, есть рассказ «История моей голубятни» (1925), однако это вещь такой эпической мощи, что разумней, в этом ряду, оставить ее в стороне.

«И не было разницы между голубятней и домом.

Там и тут жили тесно и грязно, скучно и тоскливо. Там и тут ложились спать и просыпались очень рано. Там и тут рождалась и умирали.

Да и смерть даже была одинакова. Мало кто умирал спокойно, лежа в своем логовище. То подстрелят, то зарежут или прошибут голову камнем. А иногда просто искромсают в куски: одних — кошка, других — машина, не защищенная предохранителем.

Люди перемешались с голубями настолько, что, казалось, не народ разводит голубей, а голуби разводят народ. И этот народ ухаживает за голубями, как раб» [3: 34].

Казалось, что важней голубей в жизни горожан ничего не было. С них начиналось даже всякое завещание: «Мохнатого трубача и сизую голубку, которая с белой отметинкой на лбу, оставляю Кольке. Синешалого чужака с белой голубкой, у которой на ноге повязана синяя тряпочка, — Ваське. Две пары зобатых турманов, что куплены мной на масляной, дайте в приданое Зинке. А остальных голубей завещаю старшему сыну Павлу. Ему же оставляю хату и заботы о семье...» [3: 35].

Но, подбавляет интриги Борахвостов, «только казалось, что голуби — единственная цель жизни этой людской мелкоты». Нет, говорит он, голуби — это «своего рода игра», и эта игра — разжигающий страсти спорт, заполняющая душевную пустоту причуда — судя по процитированной выше последней воле, замещала смысл жизни. Обитавшие под одной крышей — или даже в одной комнате — дед, отец и сыновья, каждый имел по собственной голубятне, и все они, как и у Тотовенца, были соперники и болезненно завидовали друг другу. «Родня родней, а голуби — врозь» [3: 37].

Но вот в сюжет вторгается идеология, классовая борьба. В гражданскую, «когда к городу подступал Деникин, <...> отец и старший брат ушли вместе со всем заводом на фронт» [3: 38]. «Вместе со всем», заметим гиперболу, в едином порыве. Советская власть — вот что поважней голубей, тонко и политически грамотно намекает писатель. Расставание далось нелегко. Отец и брат «прощались с голубями дольше, чем с матерью. Она только и знала, что плакала, и пихала в сумки все, что попадет под руку: хлеб, носки, табак, носовые платки, деревянные ложки...». Оба, отец и брат, поручают своих голубей герою рассказа, Ваське, счастливому тем, что все три голубятни теперь — его. Стиль общения между братьями таков:

«—Смотри, стерва! Если прогоняешь хоть одного, вернись с фронта, — башку оторву!

Потом, немного помолчав, тихо добавил:
— А не вернись — твои будут» [3: 40].

И, не прощаясь, «как это было принято у нас на Голубинке, ушел из дому большими шагами». Отец же, уходя, прямо на землю у ворот вытряхнул из вещмешка все, что напихала туда мать, кроме деревянной ложки и хлеба. Невозможно не отметить эту грубость нравов, за которой, имплицитно Борахвостов, скрываются нежные души. Щадя себя, не попрощались с родными и другие рабочие, у которых большие семьи. «Чтобы не слышать рева детей и отговоров жен, они решили тайно уйти на фронт». Переночевав в семье Васьки, они отдают его матери свои получки, чтобы та передала их женам.

Война подошла ближе, начались обстрелы, «На небе слышался сухой треск. Потом появилась белая роза взрыва и медленно начала вянуть. Снаряды падали где-то около вокзала, перелетая через нас, и во время взрыва казалось, что город разламывается пополам» [3: 41].

Мальчишки, тем не менее, скоро принялись снова наперебой гонять голубей. Те со временем тоже привыкли к военному шуму. «И когда голубь, сраженный пулей или осколком шрапнели, падал вниз, все думали, что это турман продолжает свой очередной трюк. Так думали голуби и так думали люди.

И только когда голубь шлёпался об крышу, и, хлопая безвольными крыльями, скатывался вниз, когда на тёплых солнечных досках выявлялось рубиновая струйка крови, только тогда все понимали, что это война. Бои под городом усиливались» (Там же: 43).

«По улице часто стали встречаться похороны.

За гробом шел священник в полном облачении с кадилом и рядом с ним местный духовой оркестр. Когда поп кончал свою «Вечную память», оркестр начинал «Марсельезу» или «Вы жертвою пали».

Отец и мать убитого рабочего приглашали попа, а товарищи — оркестр. Поп, чтобы не потерять заработка, соглашался на такое сотрудничество. Только он не допускал оркестров в церковь.

Но когда хоронили матроса, то оркестр по настоянию товарищей покойного играл и в церкви» [3: 44].

Поразительны эти подробности сейчас, сквозь линзу толщиной в век. Даже если присочинены, поразительны независимо от достоинств самого текста.

Город пал. Перед отступлением отец не зашел домой, чтобы, опять же, «не расстраиваться», а брат, забежав, «отобрал лучших голубей, посадил их в лёгкую, деревянную клетку и привязал её к своей спине как ранец.

— Васька, — сказал он мне, — эти голуби по одному будут возвращаться домой. Ты снимай с лапок записки и относи их Власу Черепанову, что живёт у кладбища за железнодорожным мостом, знаешь?

— Знаю, — ответил я» [Там же].

Так и вышло, что, сообщаясь с помощью голубей, красные сумели скоординировать свои действия и взять город.

«Но второй день после занятия города белыми прилетел синешалый «мохнач». Я снял с его лапки записку и отнёс её Власу.

В эту же ночь кто-то взорвал железнодорожный мост через реку, и бронепоезда белых не могли выйти из города. А на завтра ночью заговорились нефтяные баки.

Потом прилетел белоголовый турман — и ночью загорелись пакгаузы.

Затем через неделю вернулся мохноногий «Шалун», и в ту ночь стали наступать наши, а внутри города поднялось вооруженное восстание.

Наутро отец с братом пили чай уже дома.

А я гонял голубей» [3: 45].

Встретились и раскатились по бильярдному сукну шары, встретились и разлетелись по «воздушным путям» литературы голуби, выпущенные двумя писателями-современниками, представителями двух цивилизаций, двух патриархальных культур, крайне отличных одна от другой, но объединенных границами советской империи.

Несколько слов о дальнейшей судьбе В. Н. Борахвостова, являвшего собой пример того, как советская власть пыталась вырастить рабоче-крестьянскую интеллигенцию. Достигнув своего пика в тридцатых, в дальнейшем он печатался мало. Корреспондентом армейской газеты прошел войну. Ему дана была долгая жизнь [6; 7; 8]. Зарабатывая игрой на бильярде, он не переставал усердно и безуспешно писать. Ранние его рассказы все-таки ценны тем, что полны

примет времени — то трогательных, то забавных, то одиозных. «Голубиная любовь», написанная пафосно, но без свойственного ему переизбытка метафор, в этом смысле дополняется пылким лиризмом голубинового эпизода «Жизни на старой римской дороге», книги загубленного советской властью подлинного интеллигента Ваана Тотовенца, которую Борахвостову волею судеб выпало отрецензировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахумян Т.С. Ваан Тотовенц // Литературные статьи и воспоминания. Ереван, Айастан, 1966. С. 344–353.
2. Борахвостов В. Ваан Тотовенц. «Жизнь на древне-римской дороге» // Красная новь. 1931. № 12. С. 161–162.
3. Борахвостов В. Голубиная любовь // В комнате пахнет дыней. М., Библиотека «Огонек», 1934. С. 34–45.
4. Жак и др. Обсуждаем творчество В. Борахвостова // Молодая гвардия. 1934. № 6. С. 155–158.
5. Локс К. Ваан Тотовенц. Жизнь на древне-римской дороге // Новый мир. 1931. № 9. С.307.
6. Макинцян А. Ваан Тотовенц // Тотовенц, Ваан. Повести и рассказы / Пер. с арм. М., Худож. лит., 1970. 242–245 с.
7. Меленевская Э.Д. Казус Борахвостова: Опыт интернет-разысканий // Вопросы литературы. 2016. № 1. С. 329–352.
8. Меленевская Э.Д. Василий Борахвостов: «...и снова стал работать писателем». Эскиз к биографии // «Неужели кто-то вспомнил, что мы были...» Забытые писатели: Сб. науч. статей / Сост. и ред. Э.Ф. Шафранская. СПб.: Свое издательство, 2019. С. 172–184.
9. Меленевская Э.Д. «Обложкой к врагу»: Воинский опыт писателя Борахвостова // Знамя. 2020. № 8. С. 329–352.
10. Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / Сост., коммент. О.Е. Рубинчик. СПб.: Невский Диалект, 2001. 222 с.

11. *Тер-Мартirosян А.* // Тотовенц, Ваан. Жизнь на древне-римской дороге / Пер. с арм. И.К.; Предисл. А. Тер-Мартirosяна. М., Л., ГИХЛ, 1931. С.3–6.
12. *Тотовенц Ваан.* Жизнь на древне-римской дороге / Пер. с арм. И.К.; Предисл. А. Тер-Мартirosяна. М., Л., ГИХЛ, 1931. 110 с.
13. *Тотовенц Ваан.* Повести и рассказы. / Пер. с арм. А. Сагратяна; Послесл. А. Макинцяна. М., Худож. лит., 1970. 247 с.

REFERENCES

1. *Ahutyanyan T.S. Vaan Totovents* // Literaturnye stat'i i vospominaniya. [Literary articles and memoirs]. Erevan, Ajastan Publ., 1966, pp. 344–353.
2. *Borahvostov V. Vaan Totovents. «Zhizn' na drevne-rimskoj doroge»* [Life on the ancient Roman road]. *Krasnaya nov'*. 1931, № 12, pp. 161–162.
3. *Borahvostov V. Golubinaya lyubov'* [Pigeon love]. In: *V komnate pahnet dynej* [The room smells of melon] . М., Biblioteka «Ogonek», 1934, pp. 34–45.
4. *Zhak i dr. Obsuzhdaem tvorchestvo V. Borahvostova* [Discussing the works of V. Borakhvostov]. *Molodaya gvardiya*. 1934, № 6, pp. 155–158.
5. *Loks K. Vaan Totovents. Zhizn' na drevne-rimskoj doroge* [Life on the ancient Roman road]. *Novyj mir*. 1931, № 9, p.307.
6. *Makincyanyan A. Vaan Totovents*. In: *Totovents, Vaan. Povesti i rasskazy* [Novels and short stories]. Per. s arm. Moscow, Hudozh. lit., 1970, pp. 242–245.
7. *Melenevskaya E.D. Kazus Borahvostova: Opyt internet-razyskanij* [Borakhvostov's case: Internet search experience]. *Voprosy literatury*. 2016, № 1, pp. 329–352.
8. *Melenevskaya E.D. Vasilij Borahvostov: «...i snova stal rabotat' pisatelem»*. Eskiz k biografii [“...started working as a writer again”. Biography sketch] In: “*Neuzheli kto-to vspomnil, chto my byli...*” *Zabytye pisateli*» [“Did someone really remember that we were...” Forgotten writers]. Sb. nauch. statej / Sost. i red. E.F. Shafranskaya. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo, 2019, pp. 172–184.

9. *Melenevskaya E.D.* Oblozhkoj k vragu»: Voinskij opyt pisatelya Borahvostova [Facing the enemy: The military experience of the writer Borakhvostov]. *Znamya*, 2020, № 8, pp. 329–352.
10. Anna Ahmatova: poslednie gody. Rasskazyvayut Viktor Krivulin, Vladimir Murav'ev, Tomas Venclova [Ahmatova's last years in memoirs] / Sost., komment. O.E. Rubinchik. St. Petersburg, Nevskij Dialekt Publ., 2001. 222 pp.
11. *Ter-Martirosyan A.* Predislovie. In: Totovents, Vaan. Zhizn' na drevne-rimskoj doroge [Life on the ancient Roman road]. Per. s arm. I.K.; Predisl. A. Ter-Martirosyana. Moscow, Leningrad, GIHL, 1931, pp.3–6.
12. *Totovents Vaan.* Zhizn' na drevne-rimskoj doroge / Per. s arm. I.K.; Predisl. A. Ter-Martirosyana. Moscow, Leningrad, GIHL, 1931, 110 pp.
13. *Totovents Vaan.* Povesti i rasskazy [Novels and short stories] Per. s arm. A. Sagratyana; Poslesl. A. Makincyana. Moscow, Hudozh. lit., 1970, 247 pp.

**ԱՂԱՎՆԻՆԵՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՎԱՀԱՆ
ԹՈԹՈՎԵՆՅԻ ԵՎ ՎԱՍԻԼԻ ԲՈՐԱԽՎՈՍՏՈՎԻ
ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ**

Է. Գ. ՄԵԼԵՆԵՎՍԿԱՅԱ

Անկախ հետազոտող, Ռուսաստանի Գաշնություն

Չուգահեռ է տարվում գրողներ Վահան Թորոպենցի (1893-1938?) և Վասիլի Բորախվոստովի (1905-1988) միջև, ովքեր ծանոթ չէին, և Թորոպենցը, ամենայն հավանականությամբ, նույնիսկ չգիտեր Բորախվոստովների գոյության մասին, մինչդեռ վերջինս պատահաբար գրախոսել է Թորոպենցի առաջին ռուսերեն թարգմանված գիրքը՝ «Կյանքը հին հռոմեական ճանապարհին» (1931), «Կրասնայա նով» գրական ամսագրում: Անկախ հայկական և կազակական մշակույթների միջև եղած տարբերությունից, այս գրողների իրար հետ կապ չունեցող ստեղծագործություններում կա

թեմատիկ համընկնում, որն արտահայտվում է աղավնի բուծման նկատմամբ մի ժամանակ ամենուրեք տարածված կրթի խորը քնարական նկարագրությամբ:

Բանալի բառեր՝ Թոթովենց, Բորախվոստով, երեսունականների գրականություն, աղավնիների բուծում և պահպանում:

PIGEON STORIES IN THE WORKS OF VAHAN TOTOVENTS AND VASILY BORAKHVOSTOV

E. D. MELENEVSKAYA

Independent researcher, Russian Federation

A parallel is drawn between the writers Vahan Totovents (1893-1938?) and Vasily Borakhvostov (1905-1988), who were not acquainted, and Totovents, most likely, did not even know about the Borakhvostov existence, while the latter happened to review the first Totovents' book translated into Russian, *Life on the Ancient Roman Road* (1931), in the literary magazine *Krasnaya Nov'*. Regardless of the difference between the Armenian and Cossack cultures, there is a thematic overlap in the unrelated work of these writers, expressed in a deeply lyrical description of the passion for pigeon breeding that was once widespread everywhere.

Key words: Totovents, Borakhvostov, literature of the thirties, pigeon breeding.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 19 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.